

А. С. Бреславский

ГОРОДСКАЯ ИСТОРИЯ КАК ПРЕДМЕТ ДИСКУРС-АНАЛИЗА: РЕСУРСЫ И ПРОГРАММА ИССЛЕДОВАНИЯ

Общеакадемическое и общественное увлечение локальными идентичностями и культурными практиками, и в целом — российской провинцией, в последнее время привело к тому, что накопленный в предыдущие годы разного рода исторический нарратив о «местных сообществах» оказывается высоко востребовавшимся. Со страниц монографий и учебников эта история «движется» в городские проекты культурного возрождения, историко-архитектурной реконструкции, в разного рода политические, социальные программы и т. д. Между тем достаточно очевидно и то, что «навеянный ветром перемен» интерес к городской истории вряд ли удастся надолго сохранить, если те, кто ее профессионально производит, не попытаются реализовать и представить свой продукт в качестве значимого ресурса: 1) в развитии общегуманитарного дискурса о городе и 2) в реализации современных и будущих социальных и технологических проектов городского развития. Перед отечественными историками в этом смысле возникает множество интересных и значимых задач. Одна из них, к примеру, — прояснить, как происходило формирование и развитие (того или иного) города в качестве продукта царской колонизации, эпохи империостроительства, советского социалистического проекта или современного российского федерализма. Затем, анализируя те или иные локальные случаи, можно задуматься о том, какие эффекты повлекли за собой эти исторически значимые для страны и городских сообществ политические проекты. Речь может идти о специфических и относительно универсальных социальных тенденциях, конструктах культурной памяти (коллективной, семейной, индивидуальной), о метаморфозах городской идентичности, о позиции тех или иных социальных групп внутри городского сообщества и т. д. Всем этим могут заняться историки, используя как дисциплинарные возможности самой истории, так и ресурсы междисциплинарного подхода (добиваясь при этом «реальной» меж-

дисциплинарности). Однако сегодня подобного рода исследовательские приоритеты в изучении городской истории по-прежнему не столь актуальны, как, к примеру, традиция краеведческого историописания, ориентированного преимущественно на расширение источниковой базы — фактографической эмпирики.

Мне хотелось бы предложить к обсуждению два взаимосвязанных тезиса. Во-первых, важно отметить, что в современных отечественных исторических программах по изучению города ощущается крайняя недостаточность истористской критики, являющейся составной частью социальных наук.¹ Это оборачивается тем, что современный (постсоветский) российский исторический дискурс о городе по-прежнему не критичен и во многом внесоциален. Иными словами, он в большинстве случаев воспроизводит сам себя, не пытаясь критически пересмотреть методологические и социально-политические основания своего возникновения и существования. Отечественная городская история в том виде, в котором она существует сегодня, часто оказывается востребованной лишь на уровне самих городов и местных академических школ; она вызывает интерес преимущественно у муниципальной власти, действующей от имени городского сообщества. Обыкновенно такая «история» пишется и издается либо ориентируясь на муниципальный заказ, либо исходя из неких подвижнических мотивов ее автора, часто не подкрепленных каким-либо академическим и маркетинговым спросом (что называется, наивная история). Производимый исторический продукт представляет собой в этом случае преимущественно лирическое историко-краеведческое знание. Оно транслируется через «уполномоченные» институты — библиотеки, музеи, университеты, школы — для поддержания общегородской идентичности, чувства гордости и привязанности к родному городу.

Нельзя не отметить при этом, что историки города (в основном с «солидной академической пропиской») порой не реже, чем социологи, привлекаются к обсуждению «проблем и перспектив» городского развития. К примеру,

Бреславский Анатолий Сергеевич — аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
E-mail: anabres05@mail.ru

¹ См. об этом: Бурдые П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма: Альм. Рос.-фр. центра социол. исслед. Ин-та социол. РАН. М., 1996. С. 9–15.

программы городского планирования, широко внедряемые сейчас в России, и соответствующий административный дискурс, если взглянуть на них с позиции дискурс-аналитика, часто высокоинтертекстуальны, т. е. содержат в себе значительное количество компонентов социологических и исторических нарративов. Региональные историки выступают экспертами на городских телевизионных каналах, на проводимых мэриями конференциях, на публичных и закрытых семинарах-совещаниях, формулируя для политиков, администраторов, общественности экспертное (научное) историческое знание. Применительно к городскому сообществу это проявляется в том, что историки формулируют в его отношении такие понятия, как «исторический опыт городского сообщества», «исторический контекст развития города», «исторически обусловленные проблемы города», «исторически сформированный путь развития города», «исторические задачи города», «исторические традиции города» и т. п. На основе этих понятий, имеющих свои локальные особенности, могут быть выстроены и часто выстраиваются приоритеты городской политики и происходит их легитимация. Это может касаться программ распределения ресурсов, проектов культурного возрождения, приоритетов в развитии тех или иных внутригородских территорий и многого другого. В последние годы увеличилась коммерциализация исторического знания о городе: историки привлекаются к разработке туристических брендов места, концепций городского имиджа, буклетов, путеводителей и т. п. К сожалению, далеко не всегда академические историки, решающие такого рода местные задачи (формирование позитивной общегородской идентичности, экспертная оценка современных проектов городского развития, участие в конструировании туристически привлекательных городских образов), ориентированы на включение своих эмпирических данных и аналитических выводов в российские и уж тем более в международные проблемно-тематические традиции (допустим, в традиции изучения средневекового города, города нового и новейшего времени) и в методологическую дискуссию (исследования восточного города, западного города, советского города, ориенталистские, постколониальные и пр.).

Второе мое замечание происходит из первого — нельзя не отметить, что в российской исторической науке до сих пор так и не состоялась

сколь-нибудь значительная методологическая дискуссия о проблемах изучения города, как это, к примеру, произошло в социологии.² На прилавках книжных магазинов практически не найти отечественных исторических работ о (том или ином) городе, которые бы опирались на эвристическую историческую методологию или на «альтернативное» — «неклассическое» — видение проблемного поля. В отличие от социологов, социальных (культурных) антропологов, философов и пр., отечественные историки города, по большому счету, еще не сконструировали в своем исследовательском поле ситуацию методологического и предметного кризиса, довольствуясь в основном возможностями фактографического историописания и историографии. Нет уверенности в том, что это произойдет и в ближайшем будущем.

Оставляя в стороне традиционные «городские» исследовательские проблемы и способы их осмысления, и без того известные всем историкам, которые работают в этом предметно-дисциплинарном поле, я постараюсь сфокусироваться лишь на одном вопросе, который, как представляется, способен стать ресурсом для частичного обновления отечественной исторической проблематики и методологии, например, в области городских исследований. Речь идет о критическом дискурс-анализе (КДА)³ и, в частности, о рассматриваемых им процессах натурализации понятий (представлений). Известно, что «...многие наши представления о мире натурализованы (полностью адаптированы), и мы принимаем их как само собой разумеющиеся. Мы рассматриваем их не как понимание мира, а как мир».⁴ В этой ситуации особенно важными становятся поисковые исследования (исследовательские позиции), выявляющие эти само собой разумеющиеся, «здоровые» взгляды и представления, многие из которых «укоренены» в историческом дискурсе. Это оказывается возможным в случае прояснения условий их возникновения и утверждения. В последнее время за подобного рода работу берутся в основном социологи, что само по себе, конечно, неплохо. Мне лишь кажется, что это задача не столько для них, сколько для самих историков,

² См., например: Российское городское пространство: попытка осмысления / Отв. ред. В. В. Вагин. Сер. «Науч. докл.». Вып. 116. М., 2000.

³ См., к примеру: Fairclough N. Critical discourse analysis. London, 1995; Dijk T. van. Critical Discourse Analysis. Oxford, 2001. P. 352–371.

⁴ Йоргенсен М., Филипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков, 2008. С. 290, 291.

ведь процесс натурализации историчен, тот или иной дискурс, способствующий натурализации, также историчен⁵ — дискурсивную натурализацию идей, понятий, представлений, таким образом, невозможно рассматривать вне исторического контекста и исторического материала. Если мы говорим о натурализованных понятиях и представлениях, связанных с городским развитием, не стоит забывать и то, что подавляющая их часть содержится именно в исторических текстах, а не, допустим, в социологических. Реальность российских городов средневековья, нового и новейшего времени вплоть до последних лет интересовала в основном историков. И кому как не историкам проводить сегодня саморефлексию — анализировать исторический дискурс о городе, самих себя и своих коллег-предшественников? Это, повторюсь, позволяет понять, на чем основывается современное знание о развитии (того или иного города), как оно исторически (вос)производилось, (ре)конструировалось, как использовалось раньше и используется сегодня разного рода акторами — от политиков и бизнесменов до ученых и «простых» членов городского сообщества. Вместе с исторической реальностью в этом случае изучается и исторический дискурс, то, как конструируются сами тексты и фиксируются их значения в условиях той или иной городской (шире — региональной) культуры.

В случае если мы принимаем тезис о том, что анализ исторического дискурса о городе — дело самих историков, то на настоящий момент актуальным представляется решение следующих четырех исследовательских вопросов (задач), связанных с денатурализацией части современных понятий и представлений и с развитием историцистской критики в структуре производимого исторического знания.

1) Стоит начать, пожалуй, с актуализации, казалось бы, хрестоматийного, но как-то не утверждающегося у нас (в общем-то понятно, почему), понимания истории (города) как «идеологической, точнее воображаемой конструкции»,⁶ а исторического факта — как явления относительного (идеологически сформулированного), связанного со стратегией интерпретации. Наиболее наглядный пример для демонстрации этого тезиса — проблема

фиксации периода образования города как историко-культурного явления. Здесь могут столкнуться, как минимум, два исторических дискурса — официальный, желающий, допустим, «удревнить» городскую историю поселения (связав ее с каким-либо формальным постановлением), и дискурс жителей этого поселения («бытующий», к примеру, в нескольких поколениях и документально зафиксированный), указывающий на то, что городская идентичность никогда не была особенно актуальной для общества, а свое поселение местные жители никогда всерьез не называли «городом». Официально воображаемый город здесь сталкивается с городом, воображаемым на уровне повседневности; политическая история города — с историей повседневности, социальной историей.

2) Отталкиваясь от первого тезиса, можно задуматься над тем, с какого рода произведенной историей того или иного города мы имеем дело, были ли какие-то альтернативы в ее производстве, а если они имели место, то почему не возобладали. Здесь важно определить, на каких идеологических основаниях выстраивается доминирующий исторический дискурс, какими категориями он оперирует, какой опыт преимущественно фиксирует и в каких срезях (в глобальном или локальном, публичном или повседневном и т. п.). Прекрасной иллюстрацией многослойности исторического знания о городе может служить сопоставление данных, зафиксированных, к примеру, в официальном историческом дискурсе и все в том же дискурсе жителей города, сформированном, допустим, из устных историй. Задача историка в этом случае не ограничена одним лишь сопоставлением дискурсов и, возможно, разоблачением одного из них; она расширяется уже постольку, поскольку всякий новый дискурс отсылает исследователя в иную плоскость — к новым эмпирическим данным и смыслам.

3) Решив вторую исследовательскую проблему, можно начать разбираться в том, какие из социальных представлений, понятий, связанных с городом и имеющих место в современной реальности, были произведены и натурализованы в доминирующем историческом дискурсе о городе. Разумеется, нет особого смысла подвергать анализу максимально возможный спектр представлений из сферы городского воображаемого. В логике КДА в фокус анализа следует включить натурализованные представления (городские мифы, идеологии и т. п.), порождающие или поддерживающие внутри городского

⁵ См.: Fairclough N., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as Social interaction: Discourse Studies. A Multidisciplinary Introduction. London, 1997. Vol. 2. P. 45–56.

⁶ Барт Р. Дискурс истории // Система моды: Ст. по семиотике культуры. М., 2003. С. 427–441.

сообщества отношения социального неравенства, дискриминации и господства одних социальных групп (или территорий) над другими. В этом случае от исследователя, конечно, требуется глубокое знание исторического материала по тому или иному городскому кейсу и тонкое социальное чутье, способное прогнозировать динамику потенциально неблагоприятных процессов, основанных на дискурсивной натурализации.

4) Наконец, в заключение следует охарактеризовать, к каким последствиям способны привести (или уже привели) эти исторически натурализованные представления о городе. Это позволяет преобразовывать их в потенциальные объекты для обсуждения и критики и, таким образом, открывает их для возможных изменений. Идеальной представляется ситуация, когда ученый (академическое сообщество) способен мобильно разобраться в ситуации еще до проявления ее негативных последствий и провести ее публичное обсуждение с коллегами при поддержке всех заинтересованных социальных акторов.

Анализ исторического дискурса позволяет в текстуальном измерении прояснить логику развития социокультурного и политического пространства современного города, выявить так называемый «историко-культурный контекст» современных социальных, культурных и политических процессов. Городская культура, городское сообщество, городской ландшафт — все это дискурсивно организованные элементы социальной реальности. Их конструирование и конституирование происходит при более или менее значительном участии исторического дискурса. Эффект «присутствия истории» в современных процессах дискурсивно проявляется во всем спектре текстов (конечно, в разной степени), которые производят те или иные социальные акторы. Задача историка за-

ключается здесь, на мой взгляд, в том, чтобы определить, какие исторические нарративы и заключенные в них понятия, представления, причинно-следственные связи используются в том или ином тексте (в программе развития города, на рекламном щите, в публицистической или научно-исследовательской статье и т. д.). Вслед за этим — разобраться, не соотносится ли использование исторического знания в том или ином конкретном случае со стремлением его натурализовать, т. е. утвердить как само собой разумеющееся, и какие последствия, символические и утилитарные, может иметь подобного рода натурализация.

Понятно, что в одних случаях натурализация истории может быть бессознательной (тогда, когда историческое знание не рефлексивируется), но бывают случаи, когда «исторический опыт» включают в тот или иной социальный, культурный или политический проект осознанно. Одни из этих проектов могут быть вполне безобидными, другие — увеличивать дистанцию между различными группами внутри городского сообщества (как альтернатива — между городским сообществом и деревней), порождать отношения неравенства, доминирования, дискриминации и т. п. При этом, в силу натурализации неких «исторических оснований» данных отношений, они сами также могут казаться естественными. Задача историка в этом случае — включиться в процесс производства экспертного знания, предотвратив негативные социальные и политические эффекты от использования городской истории. В случае с современной российской действительностью, характеризующейся высокой ангажированностью исторического знания, в том числе и городской истории, а также слабой развитостью института публичных обсуждений, решение поставленной задачи представляется действием сложным и одновременно крайне необходимым.

Ключевые слова: *городская история, исторический дискурс, критический дискурс-анализ*

CITY HISTORY, HISTORICAL DISCOURSE, CRITICAL DISCOURSE-ANALYSIS

Main goal of the article was the introduction of the alternative methodology of the critical discourse-analysis (CDA) for the study of local (specifically urban) history. The author believes that the use of the CDA methodology may be one of the strategies which could assist the Russian historians in raising the social value of their work as well as securing their positions in the international research programs related to urban studies.

Anatoly S. Breslavsky